

НОВАЯ ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

В поэме «Из жизни поэта» выдающийся чешский поэт-коммунист Витезслав Незвал писал о предназначении художника: «Взгляни, и жить продолжай... шагай в неизведанные дали». Пути подлинного творца сложны: время диктует художнику новые связи с действительностью, потребности общества заставляют его заново осмыслить свое искусство. Встреча со старыми друзьями, мастерами, любимыми и давно известными, всегда сулит радость узнавания и таит неведомое. Как бы мы хорошо ни знали их, как бы ни были знакомы приметы их искусства, подлинники художники — в непрестанном поиске, в постоянном путешествии в неизведанные дали. Это закон творчества. И новая встреча с драматической труппой Словацкого Национального театра еще раз подтвердила его.

В четвертый раз этот театр приезжает к нам на гастроли, и каждый его приезд запоминается надолго, вызывает и зрительский интерес, и оживленные дискуссии критиков. Но неизменным остается признание высокого профессионального мастерства актеров и режиссеров Словацкого национального, их пылкого постижения жизни минувшей и сегодняшней, их основательность и глубина в решении творческих проблем.

В нынешний приезд театр Bratislavy не привез спектакля, который вызвал бы суждения полярные. «Атлантида» В. Незвала, «Меридиан» Я. Соловича, «Мариша» А. и В. Мрштиков, как и «Братья Карамазовы» по роману Ф. Достоевского, — работы углубленно серьезные, сосредоточенные. Лишенные парадоксальной неожиданности, полемичности, они заставили размышлять о проблемах и сугубо современных, и непреходящих.

Философскую притчу «Сегодня солнце над Атлантидой еще зайдет» В. Незвал написал в 1955 году. Пьеса об атлантах, погибших по злой воле их Властителя, в чьих руках оказался смертоносный металл, способный уничтожить все живое, за три десятилетия со времени своего создания обрела все больший драматический смысл. Сотворцом В. Незвала — увы! — стала сама новейшая история человечества: то, что было антиутопией в середине 50-х годов, ныне способно оказаться трагической реальностью. Властители, мечтающие о мировом господстве, готовые ради химеры власти пожертвовать самим существованием человечества, вновь, не таясь, вышли на рубеже 80-х годов на политическую арену в стране западного полушария. Их амбиции враждебны жизни как таковой, поэтому такой небывалый размах обрело противостояние сил мира и сил войны. В спектакле «Атлантида» ре-

жиссер Петр Микулик и художник Ладислав Выходил, один из крупнейших сценографов современного чехословацкого театра, создают на сцене зримый контраст: безжизненно металлический облик Атлантиды, где убита подлинная жизнь, и теплые тона небогатого афинского бытия, исполненно-неподдельной человечности. Замысел режиссера и художника точно поддерживают артисты: механистично-отточенная пластика атлантов (здесь тон задает Цибор Фильчик в роли Властителя) и полное жизненных подробностей поведение афинян (прежде всего Скульптора — Юлиус Пантик).

В. Незвал в середине 50-х годов и братиславские актеры в первой половине 80-х исполнены веры в то, что есть люди на земле, которые способны обуздать силы войны, которые в состоянии сохранить жизнь на нашей планете даже ценой собственной жизни. Эта вера далеко не бездумна, она основана на трезвом знании и требует истинного мужества. И потому спектакль Словацкого театра полон тревоги, выраженной в словах брата Властителя Гайдероса (Душан Ямрих), который выступил в борьбу с силами войны: «Я боюсь, как бы человечество снова не сбилось с пути...».

Интеллектуальная поэзия В. Незвала, сопрягающая романтическую патетику со строгостью поэтических построений, несколько остраненная в спектакле словацких артистов, обрела эмоциональную полноту в контексте сегодняшнего, поистине всемирного антивоенного движения, успех которого жизненно важен и для зрителей, приходящих на этот спектакль, и для артистов, вовсе не случайно вернувших на подмостки пьесу-предостережение В. Незвала.

Во всех спектаклях, что привезли на гастроли в Москву словацкие артисты, в остро конфликтной борьбе добро борется со злом, в напряженнейших внутренних коллизиях поверяется истинность выбранного пути, верность подлинно человеческому предназначению. Спектакли пронизаны пафосом борьбы за жизнь, за высокое понимание человеческого бытия.

Именно глубинная вовлеченность в осмысление этой борьбы завораживает в конечном счете и зрителей «братьев Карамазовых», которые поначалу могли заметить и возрастные несоответствия исполнителей, и некоторую увлеченность создателей спектакля (режиссер Павел Гаспра, художник Владимир Суханек) бытийной стороной романа. Но театр побеждает своей подлинной сопричастностью с интеллектуальной и эмоционально напряженной философией Достоевского, присутствие которой живо ощущается

в работах Карола Махата (Федор Павлович Карамазов), Леопольда Гавера (Дмитрий), Мартина Губы (Иван), Йозефа Вайды (Алеша), Михала Дочоломанского (Смердяков) и других.

Умение образно вскрывать социальные конфликты произведения, увидеть их в характерах конкретных и поэтических одновременно отличает работу режиссера Владимира Стрниско вместе с прекрасным ансамблем артистов в спектакле «Мариша», созданном по классическому произведению Алоиза и Вилема Мрштиков. Социальные конфликты в чешской деревне конца прошлого века, выраженные в спектакле зримо и ясно, сопряжены с нравственными исканиями личности в обстоятельствах чрезвычайных, экстраординарных. Живой, сегодняшней нерв постановки бьется в эмоционально завораживающей игре артистов, и прежде всего Анны Яворковой (Мариша).

Пьеса «Меридиан» Яна Соловича, одного из наиболее известных современных словацких драматургов, также дала театру возможность создать спектакль полный острых столкновений и конфликтов. Режиссер Павел Гаспра стремился к тому, чтобы правдиво и глубоко зазвучала в спектакле важнейшая мысль драматурга — новые отношения между людьми должны строиться чисто и бескомпромиссно, так как компромисс в малом неизбежно оборачивается злом в самом главном.

Эло Романчик играет трудную роль: его герой Томаш Бенедик, машинист, секретарь партийной организации строящегося депо, — рыцарь без страха и упрека. Он неприимен к проступкам близких. Не желая заниматься «проталкиванием» своих детей на «теплые» места, он не хочет потакать приспособленцам, выдающим себя за участников Словацкого восстания. Он взваливает на себя груз нелегких обязанностей на работе. Артисту удается самое главное — он заставляет полюбить своего героя, наделив его искренностью и обаянием, заставляет поверить в его жизненность. В то, что именно такие люди, как Томаш Бенедик, и есть современные герои, которые живут и работают сегодня, сейчас и готовы отдать свою жизнь во имя жизни других.

Словацкий Национальный театр привез в Москву разные спектакли. Но все они объединены высокой гражданской, художнической тревогой за наше будущее. Все они исполнены высокого гуманизма, утверждающего величие человека, его способность отстоять жизнь на земле.

М. ШВЫДКОЙ,
кандидат искусствоведения.